

5. Религиозные объединения в Республике Беларусь // Уполномоченный по делам религий и национальностей. Официальный сайт. – URL: https://belarus21.by/Articles/conf_rel (дата обращения: 10.11.2025).

6. Религия // Президент Республики Беларусь. Официальный интернет-портал. – URL: <https://president.gov.by/ru/belarus/society/religia> (дата обращения: 27.10.2025).

7. Hernandez, J. L. Fenomenologia y filosofia de la religion / J. L. Hernandez. – Madrid : Biblioteca de autores cristianos., 1999. – 318 p.

*И.И. Васько, кандидат богословия
МинДА (Минск)*

ВКЛАД ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В РАЗВИТИЕ КОНЦЕПЦИИ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Начиная разговор о правах человека, необходимо обозначить два подхода к этому феномену. Первый подход носит юридический характер и трактует права человека как определенные правовые нормы и эффективно работающие механизмы. В данном случае мы имеем дело с конкретным набором прав и свобод, закрепленных в международных документах и конституциях большинства государств.

Второй подход предполагает осмысление прав человека как то, что вытекает из определенного мировоззрения, системы ценностей, философской доктрины. Именно этот концептуальный аспект прав человека стал предметом широкого обсуждения в общественных дискуссиях 1990-х – 2000-х гг. на постсоветском пространстве.

В обозначенных дискуссиях значимое место принадлежит церковным православным авторам, которые в своих текстах и выступлениях подняли целый ряд важных проблем, связанных с происхождением прав человека, осмысления их взаимоотношений с традиционными нравственными ценностями.

При этом некоторые принципиальные темы, связанные с религиозным пониманием прав человека, впервые в отечественном интеллектуальном пространстве были подняты именно церковными авторами. В частности, во второй половине 1990-х – начале 2000-х гг. вышел ряд программных статей нынешнего Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла, являвшегося тогда Митрополитом Смоленским и Калининградским и занимавшим пост Председателя Отдела внешних церковных связей.

Важно отметить, что само появление этих статей вызвало острую критику со стороны либеральной общественности. Причем недовольство было вызвано не столько конкретными тезисами митрополита Кирилла, сколько тем, что представитель Церкви дерзнул высказаться на темы, которые, как считалось тогда, не могут быть подвергнуты ни обсуждению, ни тем более критике.

В тот исторический период по умолчанию считалось, что есть определенный либеральный канон понимания концепции прав человека, с которым должны сверять свои взгляды и практическую деятельность не только светские общественные деятели, но и религиозные лидеры. При этом игнорировались те многочисленные дискуссии вокруг прав человека, которые имели место и продолжаются в западной социальной науке.

Необходимо также отметить, что статьи Патриарха Кирилла были вызваны не только необходимостью ответить на безрелигиозные концепции происхождения и понимания прав человека. Внутри самой церковной мысли в рассматриваемый период не было выработано единое понимание данной проблематики. Зачастую для православных авторов были характерны идеологические крайности – от радикального неприятия доктрины прав человека до некритической рецепции либертарианских взглядов.

Первый полюс представляли авторы, которых условно можно определить как *православные фундаменталисты*.

Исходным и принципиальным положением православного фундаментализма является утверждение, что права человека – это не свойства, присущие человеческой природе по факту рождения, а «идеологический штамп, идеал и наивысшая ценность либерально-демократических теорий и доктрин» [6, с. 290].

Идеология прав человека возникает в западном обществе на определенном этапе его развития и отражает мироощущение, связанное с идеалом эквивалентного товарного обмена [22, с. 76]. Идеологи новых отношений, начиная с XVII в. (Т. Гоббс, Дж. Локк, Д. Юм) стали рассматривать общество не как единое целое, а как совокупность отдельных индивидов-атомов, каждый из которых вступает в свободные отношения с другими с целью получения определенной выгоды [17, с. 80]. Никаких других целей, трансцендентных целям отдельных его представителей, у общества быть не должно, а государство призвано быть простым регулятором этих отношений.

Данная социальная модель противоречит взглядам православных фундаменталистов, которые рассматривают общество с позиции социального реализма. Народ – это не сумма отдельных индивидов, а некое реально существующее целое [19, с. 531].

Каждому народу, как и отдельному человеку, промыслом Божиим дается определенная миссия в этом мире. И смысл его существования не сводится к обеспечению максимального материального благосостояния представителей

этого народа. Этот смысл невозможно понять вне борьбы добра и зла, греха и добродетели. Поэтому, если говорить о христианском государстве, то его назначение имеет религиозно-мистическое измерение – противостояние мировому злу и посильное воплощение христианских идеалов в социальной действительности [7, с. 6].

Отказ от религиозного взгляда на свое призвание, а также от его осуществления характеризуется в фундаментализме термином *апостасия*. В целом сущность апостасии выражается в утверждении абсолютной автономности человека и общества не только от Бога, но и от любых высших ценностей и смыслов. В контексте этих процессов, полагают фундаменталисты, и возникает концепция прав человека как идеология абсолютного произвола и независимости от всяких религиозных и нравственных принципов: «Что еще могут дать “универсальные права человека”, главное из которых – право на незнание истины и на благоустроенную несопричастность борьбе добра и зла» [19, с. 529].

С точки зрения православного фундаментализма, идеология прав человека имеет инструментальный характер. Она направлена, во-первых, на само западное общество, и во-вторых, на другие страны и цивилизации. В западном мире эта идеология призвана уничтожить остатки христианского мировоззрения и вытеснить традиционное христианство на периферию общественной жизни. Что касается незападного мира, то идеология прав человека призвана выполнять геополитическую задачу: разрушение культуры и нравственности государств-конкурентов и облегчение задачи их экономического и политического подчинения [20, с. 300].

Что касается положительного идеала, предложенного православными фундаменталистами, то концепции прав человека сложно найти место в их мировоззрении. Идеальное общество представляет собой соборное целое, объединенное не формальным законом или дисциплиной, а идеей *служения*. То есть каждый его член, от главы государства до последнего гражданина, именно *служит общему делу*. Поэтому речь здесь идет, в первую очередь, о разделении общих обязанностей, а не о правах.

Противоположных взглядов придерживались авторы, которых можно определить как *православных либералов*. Для представителей этого направления характерно понимание свободы в первую очередь как свободы выбора. Она, как дарованная Богом природе человека, является для них абсолютной ценностью. Следовательно, ее ограничение является посягательством на образ Божий. Игумен Вениамин (Новик) писал: «Если мы всерьез принимаем Богоданную свободу личности, отличаем персонализм от эгоизма и индивидуализма, то мы должны всерьез принять и саму эту личность, т.е. права этой личности, то, что на общепринятом языке называется правами человека» [4, с. 21].

Вторым снованием концепции прав человека православного либерализма является философия христианского персонализма. Заявляя себя его последователями, представители данного направления резко отрицательно относятся к любым разговорам о надличностных реальностях, таких как отчество, нация, государство и т.д. Они настаивают на том, что отдельная личность является единственным абсолютным основанием и целью социальной реальности, «сouverенной единицей, не подлежащей ни какому-либо делению, ни смешению или слиянию с другими единицами» [16, с. 27].

Для православного либерализма характерно идеализированное представление о генезисе современных западных либеральных концепций. Они утверждают, что «у либерализма была и есть если не прямая, то косвенная связь с христианством» [4, с. 22]. Современный либерализм, считают они, несколько оторвался от своих корней, однако это был естественный процесс секуляризации и «никакой специфической вины либерализма в его же дехристианизации нет» [4, с. 22]. Следует все же сказать, что появление проекта Европейской Конституции 2004 г., где о христианских корнях европейской цивилизации не было сказано ни слова, отрезвляющее повлияло на многих авторов православно-либерального направления.

В связи с упомянутыми предпосылками православные либералы утверждают, что правовое государство и гражданское общество должны быть устроены таким образом, чтобы не ограничивать проявления свободы человека, даже если человек будет выбирать ложное мировоззрение с точки зрения христианства или склоняться к безнравственному поведению. Закон должен предотвращать только явное зло по отношению к другим членам общества. Даже существование сатанинских сект нужно признать допустимым, так как их запрет будет ограничением свободы совести [3, с. 287]. Это не означает, что сатанизм в духовном смысле уравнивается с христианством. Но если стать на путь правового ограничения сект, даже тоталитарных, то создается опасность того, что лекарство окажется хуже болезни [1, с. 32].

Таким образом, мы видим, что в православном либерализме сложились основания для принятия вполне каноничной либеральной концепции прав человека, однако следует сказать, что в середине 2000-х гг. обнажились противоречия между христианскими убеждениями православных либералов и современными тенденциями в области прав человека. Речь идет, в частности, о таких вещах, как однополые браки, пропаганда гражданских браков, эвтаназия и т.д. В свете этих тенденций некоторые видные представители православного либерализма отошли от крайне либеральных взглядов и стали ближе в некоторых вопросах к консерватизму. Характерна в этом отношении статья А.И. Кырлежева «Взаимоотношение концепции прав человека и религиозных ценностей», написанная, скорее, с консервативных, нежели

с либеральных позиций [16]. Но особенно ярко эта тенденция проявилась на примере ныне уже почившего игумена Вениамина (Новика) [2].

В свете этих крайних взглядов для Митрополита Кирилла и близких к нему авторов было важно занять взвешенную позицию, которая не только даст ответ критикам Церкви, но и определит курс самой Русской Православной Церкви в современном обществе. Этого ответа ждали не только внутри церковной среды. Общество в целом находилось тогда в идеологической растерянности, и позиция Церкви по такому важному мировоззренческому вопросу была крайне востребована.

Для Патриарха Кирилла тема прав человека являлась исключительно актуальной: «Православная традиция, являющаяся культурообразующей для русской цивилизации, не может не ответить на этот вызов» [12, с. 105]. Помимо ряда программных статей тема прав человека обсуждалась на X Всемирном русском соборе в 2006 г., итогом которого стала «Декларация о правах и достоинстве человека», затем Архиерейским Собором 2008 г. был принят документ «Основы учения Русской Православной Церкви о достоинстве, свободе и правах человека».

В первую очередь Патриарх Кирилл подчеркивает: любого религиозного человека, не обязательно только православного, беспокоит, что «в комплекс прав и свобод человека постепенно интегрируются идеи, противоречащие не только христианским, но и вообще традиционным моральным, представлениям о человеке» [12, с. 106]. Кроме того, права человека опираются на определенную философию со своим пониманием природы человека, смысла его бытия, поэтому Церковь вынуждена дать оценку и самой концепции прав человека, и современным тенденциям ее интерпретации.

Второе принципиальное положение статей и выступлений Патриарха: западно-либеральное понимание прав человека не является универсальным [12, с. 107]. «До сих пор понимание и применение прав человека носят серьезный культурный отпечаток Запада... Поэтому рано говорить о том, что универсальное видение прав человека уже существует» [11, с. 147]. Это не означает, что не должны существовать некие правовые и нравственные нормы, которые разделялись бы всеми членами мирового сообщества [13, с. 62–63]. Однако в разработке этих норм должны участвовать все цивилизации и культуры: «На самом деле мы только стоим на пороге выработки действительно универсального понимания прав человека, в которое каждая культура сделает свой вклад. Думаю, что это является одной из первоочередных задач межцивилизационного диалога» [11, с. 147].

Что же конкретно подвергается критике в той антропологии, которая лежит в основании либерального толкования прав человека? Во-первых, так называемая нравственная автономия человека, то есть убеждение, что вне человека не должно быть никаких внешних авторитетов, указывающих

ему, что есть добро, а что есть зло. Следствием этого является то, что в подобной идеологии, а затем уже и в общественном сознании, принципиально отсутствует понятие греха или нравственно недолжного поступка. Патриарх Кирилл констатирует: «Печальное следствие такого антропоцентрического подхода заключается в том, что сегодня во многих странах выстраивается общественная система, которая потворствует греху и устраивается от задачи способствовать нравственному совершенствованию личности. Общество сталкивается с циничной подменой. Допустимость безнравственности оправдывается учением о достоинстве человека, которое имеет религиозные корни» [12, с. 112].

Во-вторых, неприятие вызывает либеральный тезис, провозглашающий, что права человека превалируют над интересами общества. Здесь сказывается влияние классических либеральных теорий, которые изначально были связаны с последовательным индивидуализмом. Несомненно, общество и государство не должны подавлять личность. «Но такой подход очень опасен, — предупреждает Патриарх Кирилл, — если человек начинает строить свое поведение, исходя из приоритетов своих интересов над интересами общества. Это стимулирует только эгоизм и индивидуализм. Человек должен уметь отказываться от своего эгоизма ради другого человека. Поэтому, на наш взгляд, было бы правильно, чтобы свободы и права были всегда сбалансированы общественной солидарностью» [12, с. 119].

Важным этапом осмысления концепции прав человека была разработка документа, который получил название: «Основы учения Русской Православной Церкви о достоинстве, свободе и правах человека». Его принятие стало свидетельством, что Русская Православная Церковь вполне готова к серьезному диалогу и полемике с современными либеральными концепциями и готова дать свой ответ на вопросы, которые волнуют современное общественное сознание.

Упомянутый документ утверждает следующие принципы:

1. Достоинство человека, на которое опирается теория прав человека, имеет своим основанием то, что он создан по образу и подобию Божиему. Поэтому «достойной является жизнь согласно изначальному призванию, заложенному в природе человека, сотворенного для участия в благой жизни Бога» [21, с. 147]. Напротив, греховная жизнь искажает достоинство человека.

2. Документ утверждает принципиальное отличие двух свобод: свободы выбора и свободу жизни в добре. При этом первая не является абсолютной и конечной ценностью и имеет ценность и смысл только тогда, если выбор делается в пользу добра. В противном случае человек теряет свою свободу [20, с. 148–150].

3. Слабость института прав человека заключается в том, что он защищает свободу выбора, но все более забывает о нравственном измерении жизни и о свободе от греха. Поэтому авторы документа настаивают:

«Разработку и применение концепции прав человека необходимо согласовывать с нормами морали, с нравственным началом, заложенным Богом в природу человека и опознаваемым в голосе совести» [21, с. 152].

4. Права человека не должны противоречить общественной природе человека, в частности любви к ближним и своему Отечеству, поскольку «любовь к своей семье и другим близким людям не может не распространяться на народ и страну, в которой человек живет» [21, с. 153].

5. Реализация прав человека не должна вести к деградации окружающей среды и истощению природных ресурсов [21, с. 154].

Таким образом, в современной социальной мысли русского Православия сформировалось несколько подходов к проблеме прав человека. Фундаменталисты видят в них прежде всего «апостасийное» явление, направленное на разрушение традиционной морали и религиозных ценностей. Поскольку в основе концепции прав человека лежит индивидуализм, который противоречит православному идеалу соборности, фундаменталисты готовы признать законность некоторых прав личности, но при условии первичности гражданского долга. Для православных либералов ключевой ценностью является свобода, в том числе и социальная, поэтому они склоняются к некритическому принятию современной западно-либеральной концепции прав человека. Патриарх Кирилл и авторы официальных церковных социальных документов полагают, что правам человека необходимо вернуть христианское измерение. Поэтому необходимо уравновесить концепцию прав человека четкими нравственными критериями, имеющими религиозные корни, и принципами общественной солидарности. Это позволит не только снять напряжение между либеральными и религиозными ценностями, но и сформировать в обществе культуру уважения подлинного человеческого достоинства и основанных на нем человеческих прав и свобод.

Источники

1. Вениамин (Новик), игумен. Древний коллективизм и христианский персонализм / игумен Вениамин (Новик) // Церковь и общество. Диалог русского православия и римского католичества глазами ученых. Антология / редкол.: Ж.-И. Кальвэза, А. А. Красиков. – М., 2001. – С. 17–40.
2. Вениамин (Новик), игумен. Ленин? Здесь, похоже, нужен крепкий осиновый кол / игумен Вениамин (Новик) // Портал «Credo.Ru». – URL: <http://www.portal-credo.ru/site//?act=authority&id=267> (дата обращения: 14.05.2013).
3. Вениамин (Новик), игумен. Православие. Христианство. Демократия : сб. статей / игумен Вениамин (Новик). – СПб. : Алетейя, 1999. – 368 с.
4. Вениамин (Новик), игумен. Родная соборность или абстрактные права? / игумен Вениамин (Новик) // Религия и право. Информационно-аналитический журнал. – 2000. – № 3. – С. 20–23.

5. Всеобщая декларация прав человека. Декларация о праве и обязанности отдельных лиц, групп и органов общества поощрять и защищать общепризнанные права человека и основные свободы. – Мн. : Представительство ООН в Республике Беларусь, 2000. – 30 с.

6. Елишев, С. О. Словарь политических ценностей / С. О. Елишев // Политика. Основные понятия / редкол.: В. Л. Махнач, С. О. Елишев. – М., 2005. – С. 241–318.

7. Иоанн (Снычев), митрополит. Быть русским! / митрополит Иоанн (Снычев) // Будь верен до смерти. (Православие и современность) / митрополит Иоанн (Снычев). – М., 1993. – С. 2–8.

8. Иоанн (Снычев), митрополит. Тайна беззакония / митрополит Иоанн (Снычев) // Русский узел. Статьи, беседы, обращения / митрополит Иоанн (Снычев). – СПб., 2004. – С. 14–28.

9. Иоанн (Снычев), митрополит. Творением добра и правды / митрополит Иоанн (Снычев) // Русский узел. Статьи, беседы, обращения / митрополит Иоанн (Снычев). – СПб., 2004. – С. 106–118.

10. Кирилл (Гундяев), митрополит. Обстоятельства нового времени / митрополит Кирилл (Гундяев) // Свобода и ответственность: в поисках гармонии. Права человека и достоинство личности / митрополит Кирилл (Гундяев). – М., 2008. – С. 5–18.

11. Кирилл (Гундяев), митрополит. Права человека и их нравственные основы в европейских религиозных сообществах / митрополит Кирилл (Гундяев) // Свобода и ответственность: в поисках гармонии. Права человека и достоинство личности / митрополит Кирилл (Гундяев). – М., 2008. – С. 145–156.

12. Кирилл (Гундяев), митрополит. Права человека и нравственная ответственность / митрополит Кирилл (Гундяев) // Свобода и ответственность: в поисках гармонии. Права человека и достоинство личности / митрополит Кирилл (Гундяев). – М., 2008. – С. 105–122.

13. Кирилл (Гундяев), митрополит. Совместный подход в поисках единства Церкви и обновления человечества / митрополит Кирилл (Гундяев) // Свобода и ответственность: в поисках гармонии. Права человека и достоинство личности / митрополит Кирилл (Гундяев). – М., 2008. – С. 47–68.

14. Кураев, А. Права человека в религиозной перспективе / А. Кураев // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. – 1995. – № 2. – С. 59–77.

15. Курносов, А. М. Христианский социализм / А. М. Курносов // Да воскреснет Бог... Советы православным студентам по проблемам экологии и возрождения России / А. М. Курносов. – М., 2007. – С. 66–95.

16. Кырлежев А. И. Взаимоотношение концепции прав человека и религиозных ценностей / А. И. Кырлежев // Церковь и время. – 2006. – № 4. – С. 25–34.

17. Милова, Т. Ф. Принципы либерализма / Т. Ф. Милова. – Мн.: Экопрессктива, 2002. – 144 с.
18. Молотков, А. Е. Миссия России. Православие и социализм в XXI веке / А. Е. Молотков. – СПб. : Русский остров, 2008. – 400 с.
19. Нарочницкая, Н. А. Россия и русские в мировой истории / Н. А. Нарочницкая. – М. : Международные отношения, 2003. – 536 с.
20. Нарочницкая, Н. А. Права человека и мировая политика: концепции и реальность / Н. А. Нарочницкая // Русский код развития / Н.А. Нарочницкая. – М., 2012. – С. 292–308.
21. Основы учения Русской Православной Церкви о достоинстве, свободе и правах человека // Церковь и время. – 2008. – № 3. – С. 145–164.
22. Панарин, А. С. Политология. Западная и Восточная традиции / А. С. Панарин. – М. : Книжный Дом «Университет», 2000. – 320 с.

*П.А. Барахвостов, кандидат политических наук, доцент
БГЭУ (Минск)*

ГЕНЕЗИС РАННЕГО ХРИСТИАНСТВА: ОПЫТ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО АНАЛИЗА

В год 1700-летия Первого Никейского собора проблема исследования генезиса христианства приобрела особую актуальность. На Ближнем Востоке, пораженном вследствие римского владычества глубоким социальным и политическим кризисом, на заре нашей эры параллельно с христианством возникло огромное множество религиозных сект и течений: иудеохристианских, гностических, мессианских, синкреметических и т.д. Почему же христианство закрепилось как доминирующая религия, и почему это произошло именно тогда? Дать ответы на эти вопросы достаточно сложно, опираясь лишь на исторический анализ. Теология же не позволяет понять, почему христианство стало доминировать в религиозной сфере не сразу после его возникновения, а лишь спустя три столетия. В настоящем сообщении предпринята попытка решения этой проблемы с институциональной точки зрения.

В рамках данного подхода общественная система (ОС) представима как интегральное образование трех равнозначных и взаимозависимых подсистем (экономической, политической, социокультурной), каждая из которых и система в целом управляется посредством сложной структуры институтов, понимаемых как «правила игры, структурирующие социальное действие» [6]. Среди них можно выделить образующие институциональную матрицу (ИМ) *базовые институты* – «глубинные, исторически устойчивые